

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ УЧАЩИХСЯ: ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНОГО ЗАКАЗА

О. Е. Лебедев

Аннотация. Обосновывается значимость педагогического анализа социального заказа системе образования для определения ценностных приоритетов школы. Отмечается, что социальный заказ выражается не только в формате требований, но и в общественном дискурсе. Анализ изменений в общественном дискурсе на этапе перехода от советского общества к постсоветскому приводит к выводу о том, что педагогической целью в условиях меняющегося общества является не формирование у учащихся «единственно правильных взглядов», а развитие способности к личностному самоопределению. Такая способность предполагает осознание учащимися критериев оценки сложных явлений социальной действительности, событий и явлений прошлого. Эмпирической основой анализа изменений в общественном дискурсе в переломный момент общественного развития стали газетные публикации 1989 г.

Ключевые слова: социальный заказ системе образования, педагогическая интерпретация социального заказа, необратимые изменения в общественном дискурсе, цели воспитания, общеобразовательная школа

SCHOOL STUDENTS' SELF-DETERMINATION: A PEDAGOGICAL ANALYSIS OF SOCIETY'S EXPECTATIONS

О. Е. Lebedev

Abstract. The article substantiates the importance of carrying out a pedagogical analysis of society's expectations from the education system when determining the values to be prioritized by the school. The author argues that society's expectations are expressed not only in the form of requirements, but also in the form of public discourse. The author analyses the changes in public discourse during the transition from the Soviet to post-Soviet society to make a conclusion that the purpose of education in a changing society is not the formation of 'the only correct views' in students, but the development of students' ability of personal self-determination. This ability requires that students are aware of the criteria for assessing complex phenomena of social reality, as well as events and phenomena of the past. The author uses newspaper publications of 1989 as empirical material for analyzing the changes in public discourse at the turning point of social development.

Keywords: society's expectations from the education system, pedagogical interpretation of society's expectations, irreversible changes in public discourse, educational goals, general education school

1. Что считать социальным заказом в системе образования?

Понятие «социальный заказ» не имеет строгого научного определения. Оно отсутствует в перечне понятий, составляющих содержание ст. 2 Федерального закона «Об об-

разовании в Российской Федерации» (далее — Закон об образовании), в предметном указателе Педагогической энциклопедии (1968), Российской педагогической энциклопедии (1999). В словарь-справочник руководителя школы «Управление школой. Ключевые слова» (2002) (Моисеев, Хван 2002)

включена статья «Заказ (социальный заказ) на образование». В ней указывается, что данное понятие традиционно служило в нашей стране для выражения совокупных социальных требований, иными словами — требований общества к системе образования.

Социальный заказ не всегда выражается в формате требований. Примеры из области культуры — в советские годы большой интерес общественности вызывали произведения А. И. Солженицына, спектакли режиссеров Г. А. Товстоногова и Ю. П. Любимова, фильмы А. А. Тарковского, но нельзя сказать, что эти произведения культуры были ответом на социальные требования. Скорее, они отвечали социальным ожиданиям нового взгляда на явления прошлого и настоящего.

Возможны примеры из сферы образования: наиболее известные инновации в школьном образовании во второй половине XX в. («Липецкий опыт», проблемное обучение, «Педагогика сотрудничества», диверсификация школ в 90-е гг.) представляли собой образовательные инициативы, отвечавшие и потребностям самой системы образования в развитии познавательной самостоятельности учащихся, и ожиданиям нового качества образования, которые складывались в обществе и нашли выражение в интересе к публикациям на школьные темы в средствах массовой информации.

Если понимать под социальным заказом явные и неявные ожидания общества в сфере образования, обусловленные новыми потребностями общественного развития, то возникает необходимость ответить на два вопроса — кого можно считать субъектами социального заказа и кто решает задачу интерпретации социального заказа.

Ответ на первый вопрос достаточно очевиден. Несомненно, что социальным заказчиком является государство, но не только государство. К субъектам социального заказа относятся учреждения профессионального образования, работодатели, учреждения культуры, вооруженные силы, религиозные

конфессии, средства массовой информации, а также родители учащихся и сами учащиеся (по мере освоения ими позиции субъекта образовательной деятельности). Понятно, что ожидания различных социальных заказчиков могут совпадать и не совпадать.

Формы представления заказа государством и другими социальными заказчиками существенно различаются. Государство формулирует свой заказ в виде нормативных требований — положений Закона об образовании, образовательных стандартов, различных предписаний образовательным учреждениям (иногда в виде разного рода управленческих сигналов, дающих представление об ожиданиях государственных структур). Другие социальные заказчики формулируют свои ожидания обычно в виде оценочных суждений, мнений, запросов. Заказчиком надо считать и общество в целом. Попытки сформулировать ожидания общества были представлены в материалах международного экономического форума 2015 г.

Социальные ожидания разных заказчиков относятся преимущественно к образовательным результатам — знаниям, умениям учащихся, их ценностным ориентирам, личностным качествам, опыту решения познавательных, коммуникативных и иных проблем, имеющих социальную и личностную значимость, к выявлению интересов и способностей учащихся.

Смысл интерпретации социального заказа общеобразовательной школе заключается в том, чтобы соотнести его с потенциалом системы школьного образования. Существуют три основных критерия оценки этого потенциала — доступность, качество и эффективность системы образования.

С развитием общества содержание этих критериев меняется. Под доступностью школьного образования в настоящее время следует понимать возможность не только обучения в школе, но и выбора формата обучения и образовательной программы, учитывающей индивидуальность ученика. Под качеством образования понимается уровень образованности, достаточный для получения

профессионального образования, обеспечения функциональной грамотности, общекультурной компетентности, развития способности к личностному самоопределению и других качеств личности, востребованных в меняющемся обществе. Под эффективностью образования в современных условиях можно понимать рациональное использование не только финансовых и материальных, но и иных ресурсов — времени обучающихся и педагогов, новых информационных ресурсов, личностного потенциала участников образовательного процесса.

Интерпретация социального заказа заключается в ответе на вопросы — какие ожидания касаются доступности образования? О каких группах учащихся идет речь? Ожидания общества относятся к разнообразию или унификации образовательных программ? Какие проблемы повышения качества образования рассматриваются как приоритетные? Какие виды образовательных ресурсов, судя по общественному мнению, не используются или используются недостаточно рационально?

2. Роль школы в интерпретации социального заказа

Ответы на поставленные вопросы могут быть предложены различными специалистами, заинтересованными в решении проблем образования. Но дать ответы на эти вопросы неизбежно должна дать и сама школа. Под «школой» в данном случае понимаются и органы управления образованием, и научно-методические центры системы образования, и сами образовательные организации.

Неизбежность участия самих образовательных организаций в интерпретации социального заказа обусловлена, по крайней мере, двумя обстоятельствами. Процесс реализации социального заказа всегда конкретен — он происходит в определенной социокультурной среде и осуществляется через деятельность конкретных участников образовательных отношений. В связи с этим для конкретной образовательной организации возникает необходимость определить, что

и для чего надо изменить в сложившейся практике.

Понимание сути социального заказа, его содержания нельзя предписать учителям. Это можно сделать только в том случае, если уровень профессиональной подготовки учителей не высок. Чем выше уровень профессиональной квалификации учителя, тем выше у него потребность в педагогическом самоопределении. В свою очередь способность к самоопределению педагогической позиции является фактором, влияющим на реализацию профессиональных возможностей учителя и соответственно на качество и эффективность образования. Проще говоря, чем больше свободы у квалифицированного учителя, тем лучше он работает.

На уровне образовательной организации можно удовлетворить далеко не все социальные ожидания. Многие связаны с формированием сети образовательных учреждений, образовательными стандартами, экзаменационными процедурами. К числу образовательных результатов, которые выступают объектом общественной оценки и на которые возможно существенным образом влиять на уровне школы, относится личностное самоопределение учащихся.

Рассмотрим далее, каким образом возможно анализировать социальные ожидания относительно готовности учащихся к личностному самоопределению и каким образом результаты такого анализа могут найти отражение в образовательной практике школы.

В психологии под самоопределением личности понимается сознательный акт выявления и утверждения собственной позиции в проблемной ситуации. Применительно к системе школьного образования можно выделить два вида проблемных ситуаций.

К первому из них относятся проблемные ситуации, создаваемые или спонтанно возникающие в образовательном процессе, в условиях школьной жизни (познавательные, коммуникативные, оценочные и иные), обуславливающие необходимость определять позицию ученика как субъекта

образовательного процесса и члена детского и детско-взрослого сообщества.

Ко второму виду можно отнести проблемные ситуации, возникающие в микро- и макросоциуме, в которых каждому нужно определять свою позицию как члена семьи, избирателя, сотрудника, гражданина, свободного человека (отметим что Конституция РФ включает раздел «Права и свободы человека и гражданина»).

Социальные ожидания могут относиться к формированию у учащихся позиции ученика. Чаще всего они формулируются в формате описания «портрета ученика». Ожидания относительно позиции свободного человека и гражданина могут не иметь такого явного характера. Выявить эти ожидания можно, если исходить из того, что способность к личностному самоопределению включает готовность определить собственную позицию по отношению к проблемам, которые являются предметом общественного обсуждения.

Проблематика общественного дискурса меняется. Одна из наиболее значимых тенденций — предметом общественного обсуждения могут становиться закрытые ранее темы, высказывание собственного мнения по которым было недопустимо (может иметь место и обратная тенденция). *Задача педагогической интерпретации социального заказа — выявление необратимых изменений в общественном дискурсе для конкретизации педагогических целей, реализуемых средствами образования.*

В данном случае для анализа изменений дискурса был выбран период перехода от советского к постсоветскому обществу, когда происходил пересмотр социальных ценностей и возникала необходимость ответа на вопрос, от какого наследства мы отказываемся и какие ценности хотим сохранить.

3. Педагогический взгляд на изменения в общественном дискурсе

Объектом анализа стали газетные публикации 1989 г. В этом году впервые прошли

Съезды народных депутатов СССР (в мае-июне и в декабре). Заседания съездов транслировались по телевидению и радио. Телезрители и радиослушатели становились свидетелями дискуссий, которые нередко были жаркими, жесткими и непримиримыми. Общественный интерес к работе Съездов был исключительно высок.

Общественная атмосфера того времени нашла отражение и в проблематике газетных публикаций. В данном случае анализируются публикации в газетах «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Литературная газета», которые относятся к числу наиболее значимых средств массовой информации того времени.

Отбор публикаций для анализа субъективен — данные газетные материалы были прочитаны автором в том же 1989 г. и сохранены в его личном архиве как характерные приметы времени. Смысл повторного обращения к этим публикациям в 2023 г. заключается в том, чтобы выяснить те изменения в общественном дискурсе, которые оказались необратимыми.

Понятно, что оценки и выводы автора носят субъективный характер — с ними можно соглашаться или не соглашаться. В любом случае они могут стать предметом обсуждения в педагогическом сообществе. Вместе с тем подход автора к анализу общественного дискурса можно рассматривать как возможный способ интерпретации социального заказа на развитие у учащихся способности к личностному самоопределению. Такой способ может быть использован на уровне любого педагогического сообщества, проявляющего интерес к проблематике общественных обсуждений.

Публикации 1989 г. дают представление о проблемных ситуациях, предполагающих личностную оценку состояния общества и происходящих в нем трансформационных процессов. Анализ публикаций показывает, что предметом обсуждения стали оценки значимых событий прошлого, перспективы развития общества и острые социальные проблемы конца 80-х гг.

3.1. События прошлого: критерии оценки

Естественно, что в условиях перестройки сложившегося советского общества одним из предметов обсуждения стала оценка событий 1917 г., положивших начало советскому пути общественного развития. Примером нового подхода к оценке этих событий является статья писателя Бориса Васильева «Люби Россию в непогоду», опубликованная в газете «Известия» (17.01–19.01.1989).

Обращаясь к событиям прошлого, автор статьи оценивает их с точки зрения влияния на нравственность общества. Вспоминая о факте разгона Учредительного собрания, Б. Васильев пишет: «...и скоро, очень скоро загремели выстрелы и запылали пожары. Началось бессмысленное, безудержное и безнравственное взаимное уничтожение инакомыслящих и столь же безудержное, бессмысленное и безнравственное уничтожение нашей культуры. И если человеческие потери еще поддаются хоть какому-то учету, если утраты культуры можно хотя бы представить, то проанализировать степень нравственного опустошения как страны, так и населяющих ее душ человеческих, никогда не удастся. Можно — пусть приблизительно! — подсчитать, сколько — было взорвано, сожжено, разграблено, утеряно, потеряно, вывезено, выброшено, испорчено; можно прикинуть урон творческий — от умершего от истощения Блока и расстрелянного Гумилева до покинувших Отечество Бунина, Рахманинова, Репина, Шаляпина, Шагала, Кандинского и многих-многих иных, но кто, повторяю, возьмется подсчитать урон нравственный?..»

Стоит отметить, что предлагаемые в статье критерии оценки событий (нравственная цена, сохранение культурных ценностей) могут быть применимы ко всем значимым событиям (но это не означает, что исключаются другие критерии оценки).

Предметом общественного обсуждения стал вопрос о необходимости социалистической революции 1917 г. Этот вопрос рассма-

тривает, в частности, Рой Медведев в статье «С точки зрения историка», представляющей собой отклик на книгу А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» («Правда», 27.12.89). В статье говорится: «Солженицын считает, что Ленин настоял в 1917 году на проведении в России новой “пролетарской и социалистической” революции, хотя ни Россия, ни русский народ не были готовы к такой революции и не нуждались в ней».

Р. Медведев допускает, что народ в октябре 1917 г. не пошел бы на новую революцию, если бы партии, находившиеся у власти, оказались способны осуществить собственные буржуазно-демократические задачи (и вывести Россию из войны). В советской исторической науке тезис о случайности Октябрьской революции рассматривался как попытка буржуазной историографии отрицать закономерность победы социалистической революции в России.

В данном случае речь идет не о том, какой ответ на вопрос о необходимости в 1917 г. социалистической революции является правильным. Возможны разные мнения. В ситуации 1989 г. важным было «покушение» на, казалось бы, незыблемые выводы о необходимости социалистической революции в России (см., например, Берхин и др. 1970). Оказалось, что *предметом критического анализа могут быть утверждения, считавшиеся идеологическими аксиомами*.

3.2. Объектом оценки становится существующая общественная система

В публикациях 1989 г. анализу подвергаются основы социалистической системы, ее возможность обеспечить общественный прогресс. Предметом обсуждения стал вопрос о возможных следствиях отказа от социалистической модели общественного устройства. Весьма четко свой взгляд на такие следствия изложил Е. К. Лигачев в беседе с корреспондентом еженедельника «Аргументы и факты» (21–27.10.1989): «Сейчас есть рассуждения, что социализм чуть ли

не провалился, общественная собственность на средства производства, дескать, ведет к отчуждению человека от результатов труда и надо вернуться к частной собственности. — Вы это не поддерживаете, не допускаете ни в каких формах?

— Не поддерживаю. Социалистическая собственность во всех ее формах показала, что, когда мы соблюдаем закономерности, обновляем методы, способы, правильно ведем дело, то она достаточно эффективна в социальном и экономическом плане. Не согласен с теми, кто говорит, что частная собственность и безработица не повредят социализму. По моему мнению, все это приведет в конечном счете к углублению социального расслоения общества, к подрыву политической стабильности».

Во многих материалах рассматривается феномен бедности в стране, обладающей громадными природными ресурсами и населением, уровень образования которого за советские годы значительно повысился. Статья Отто Лациса, опубликованная в «Известиях» 20 апреля 1989 г., называлась «Почему мы бедно живем?». Эта статья начиналась так: «По ресурсам — самая богатая страна в мире. А живем — бедно. Даже учителям и врачам не в состоянии заплатить так, чтобы самые способные выпускники школ ломались в педагогические и медицинские институты, чтобы спросить с них как следует за работу. Но ведь это самое дорогое, что есть у человека, — дети и здоровье. О прочем и говорить нечего: об очередях за жильем, об очередях за любым почти товаром. Лекарств не хватает даже самых простых. А иностранцу, посетившему наши магазины, должно казаться загадочным, как нам удается появляться на улицах умытыми и в чистой одежде. Дошло до того, что все чаще ставится под сомнение сама эффективность нашего общественного строя».

Автор статьи делает вывод о сложившейся практике нерационального использования имеющихся ресурсов, для преодоления которой необходим переход к товарным от-

ношениям, что, в свою очередь, предполагает реформу политической системы. В другой статье речь идет о чрезмерных затратах на оборону и низкую оплату труда работников, следствием которой является затухание интереса к производительному труду (см.: Хасбулатов Р. Бедные люди Отечества // Комсомольская правда, 6 июля 1989 г.).

Одним из распространенных социальных явлений, обсуждавшихся в газетных публикациях, стала коррупция. Так и называлась статья А. Лапина в «Комсомольской правде» от 21.12.1989. Приведем выводы, которые были сделаны Лапиным: «Коррупция в наших условиях рождается не из пороков отдельных лиц, а является порождением сверхцентрализованной экономической системы.

...Вторая причина тотальной коррупции это сосредоточение бесконтрольной власти в руках чиновников не только в экономике, но и в социальной, общественной жизни. Бесправие населения. Отсутствие закона. Подмена его ведомственными инструкциями.

... Рост коррупции обусловлен также хроническим дефицитом услуг потребительских товаров. Мы не можем купить то, что нам нужно. Мы все должны доставать, давая взятки в виде переплаты. Этот дефицит породил и нигде никогда невиданный принцип взяточничества — по горизонтали, когда мы даем взятки не только вышестоящим, но и друг другу. Я говорю о пресловутом “ты — мне, я — тебе”».

Предметом обсуждения стал и вопрос о роли политической оппозиции. В одной из публикаций высказалось мнение о том, что при однопартийной системе роль оппозиции должна играть пресса, но целесообразность сохранения однопартийной системы при этом под сомнение не ставилась (Ход конем // Правда. 14.04.1989).

Свое мнение о роли оппозиции высказывает Марк Захаров в статье «Вопросы, которые пока без ответа. Размышления после съезда народных депутатов СССР» («Известия», 06.07.1989). В ней говорится: «Здоровая, нормальная, товарищеская оппозиция — величайшее изобретение демократии.

Но пока живо поколение, что изучало “Краткий курс истории ВКП(б)”, слова “опозиция”, как и “фракция”, вызывает суеверный ужас и для употребления не годятся. О них можно думать, но вслух эти слова произносить не стоит».

Проблемная ситуация при оценке общественной системы заключается не в ответе на вопрос «Ты за красных или за белых?», а в понимании сути системного подхода к анализу и оценке общественного устройства, предполагающего раскрытие связей между благосостоянием людей, рациональным использованием ресурсов и характером экономических отношений, формой собственности, политическим режимом.

3.3. Политические репрессии: предмет обсуждения

Прогнозируемые изменения в общественном устройстве предполагают поиски способов управления трансформационными процессами, а в связи с этим и определение отношения к мерам насилия. Во многих публикациях 1989 г. поднимается тема политических репрессий, осуществлявшихся советским государством. В этих материалах приводились данные о числе «раскулаченных» крестьян, высланных в Сибирь, на Урал или в районы Севера, жертв массовых репрессий 1937–1938 гг., масштабах массовых репрессий в 1939 г. в Западной Украине и Западной Белоруссии и в 1940–1941 гг. в Прибалтике, Бессарабии и Северной Буковине, насильственном выселении немцев Поволжья, мусульманских народов Северного Кавказа и Крыма, жертв послевоенных репрессивных кампаний — «ленинградского дела», «дела врачей», «борьбы с космополитами», «разгрома морганистов — вейсманистов». Напоминалось, что «с 1940 г. в стране было введено еще несколько крайне жестоких законов, на основании которых за три опоздания на работу более чем на 20 минут или за один прогул рабочие и служащие отдавались под суд и могли быть приговорены даже к 3–5 годам лагерей» (см.:

Трагическая статистика // Аргументы и факты. 1989. № 5).

В статье В. Фомина и Ю. Щекочихина «Тогда в Новочеркасске» («Литературная газета», 21.06.1989) рассказывается о вооруженном подавлении 2 июня 1962 г. демонстрации рабочих, протестовавших против повышения цен на мясо и масло в ситуации и без того нелегкого материального положения людей. По демонстрации был открыт огонь из автоматов. 24 человека были убиты, из них один школьник, 30 были ранены. После подавления выступления за участие в новочеркасских событиях семеро были проговорены к расстрелу. Статья стала ответом на выступление А. А. Собчака на Съезде народных депутатов СССР, предложившего восстановить справедливость — реабилитировать участников этих событий.

Еще в одной публикации (Загальский Л. Сумасшествие. Заметки на полях истории болезни отечественной психиатрии // Литературная газета. 28. 06.1989) речь шла о практике помещения в психиатрическую больницу лиц из числа «инакомыслящих» и тех, чье поведение не соответствовало субъективно понимаемым нормам (например, нарушение человеком «правил социалистического общежития»).

Были и другие газетные материалы, в которых обсуждались вопросы применения насильственных мер государственными структурами. *Новизна «проблемной ситуации», которая создавалась публикациями в средствах массовой информации, состояла, во-первых, в том, что репрессивная политика государства становилась объектом открытого, публичного обсуждения — это то, о чем можно и нужно говорить.*

Во-вторых, при обсуждении данной темы вполне возможен вопрос о связи репрессивной политики государства с общественным устройством. Применительно к советскому государству, которое рассматривалось на начальном этапе своего развития как форма диктатуры пролетариата (предполагающей использование силы для подавления сопротивлений враждебных социализму

элементов), возможен вопрос о роли насилия, его масштабах в процессе перехода к новому общественному строю.

3.4. Политические лидеры: предмет анализа

Анализ и оценка событий прошлого и явлений настоящего оказались взаимосвязаны с обсуждением роли субъективного фактора в развитии трансформационных процессов. Предметом обсуждения стали конкретные личности — те, кто оказался в роли «первого лица», руководителя государства, и те, кто был признан неформальным лидером, влияющим на общественные настроения. Понятно, что оценки таких людей были разными и сами они отличались своими взглядами. Предметом анализа в данном случае стали факты и суждения в газетных публикациях, которые можно было рассматривать как признаки иного, непривычного взгляда на людей, занимающих лидерские позиции в обществе.

Ряд публикаций 1989 г. посвящен Сталину и Хрущеву. Еще раз отметим, что анализируются не оценки этих государственных деятелей, а то, о чем пишут авторы публикаций, на что они обращают внимание.

С этой точки зрения безусловный интерес представляют фрагменты книги «Двадцать писем к другу» С. Аллилуевой, опубликованные в еженедельнике «Аргументы и факты». В этих публикациях дочь Сталина рассказывает о том, как умирает ее отец, вспоминает о конфликтах, из-за которых отношения между отцом и дочерью испортились навсегда. В «Литературной газете» (1.03.1989) печатаются воспоминания одного из участников консилиума у постели умирающего Сталина. После смерти вождя прошло более 35 лет — чем объяснить такой интерес к последним часам жизни Сталина? В редакционном предисловии к «Письмам» С. Аллилуевой говорится: «...учитывая огромный читательский интерес к личности Сталина...». Дело не только и не столько в потребности людей узнавать тайное, но и в изменении отношения к личности человека, в течение трех десятилетий сто-

явшего во главе государства. Он начинает восприниматься как любой смертный человек со своими привычками, чертами характера, которого в чем-то можно сопоставлять с самим собой.

В 1989 г. публикуются материалы, в которых речь идет о Хрущеве (с которого, пожалуй, начался процесс десакрализации власти — Хрущев, став руководителем государства, одновременно стал объектом и откровенных оценок, а временами и насмешек). Это фрагменты воспоминаний самого Хрущева, воспоминания одного из участников встреч Хрущева с творческой интеллигенцией (Борис Жутовский. Групповой портрет в казенном интерьере // Литературная газета. 5.07.1989), размышления Федора Бурлацкого по поводу мемуаров Хрущева (Исповедь реформатора // Литературная газета. 19.07.1989).

Вот некоторые места из этих публикаций.

Ф. Бурлацкий пишет, что его поразило при прослушивании записей воспоминаний Хрущева: «Я помнил голос первого секретаря ЦК КПСС — сильный, раскованный, озорной, а тут в каждой фразе печаль, даже скорбь и стариковская расслабленность, скороговорка. «“Как жизнь ломает людей!” — подумалось мне с глубоким сочувствием к этому могучему дереву, как бы пригнутому к самой земле пыльными ветрами...».

Б. Жутовский в своих заметках пишет, что после встреч с творческой интеллигенцией «много лет спустя, уже накануне смерти, давно бывший на пенсии Н. С. Хрущев приблизительно так объяснил кампанию (против современного искусства): «Мне не надо было лезть в это дело. Я ведь глава государства был. Это не мое дело было. Но вот азарт...»

В опубликованных фрагментах воспоминаний Хрущев рассказывает о своих переживаниях, связанных с выступлением на XX съезде партии о культе личности Сталина: «Начался съезд. Я сделал отчетный доклад. Начались прения. Съезд шел, я бы сказал, хорошо. Но меня мучила мысль: “Вот съезд кончится. Будет принята резолюция.

Все это формально. А что дальше? На нашей совести останутся сотни тысяч расстрелянных людей, две трети состава Центрального комитета, избранного на XVII партийном съезде. Редко кому повезло и он остался живым. Что же дальше?»

Записка комиссии Пospelова (о массовых политических репрессиях) сверлила мне мозг. Наконец я собрался с силами...».

Нельзя сказать, что отмеченные детали раскрывают содержания опубликованных материалов. Но они дают представление о политическом лидере как о человеке меняющемся, сомневающемся, критически оценивающем собственные поступки и решения. Понятно, что подобные детали уместны в публикациях жанра воспоминаний. Когда речь идет о действующем главе государства, то акцент делается на его политической позиции, а не на его личностных качествах (что показывают и материалы съезда народных депутатов, о которых было сказано выше).

В общественном дискурсе новым явлением можно считать сам факт многокритериальной оценки руководителей государства, утраты ими статуса «неприкосновенных», о которых можно говорить только «с придыханием». Стоит отметить, что в общественном мнении убежденность руководителей государства в правоте своей позиции оценивается как значимое (и скорее положительное) качество, однако позиция руководителя не должна рассматриваться как непогрешимая.

Другое новое явление, судя по публикациям 1989 г., заключалось в признании феномена неформальных лидеров общественного мнения, с позицией которых нельзя не считаться. Такими лидерами были признаны А. Д. Сахаров и А. И. Солженицын.

В декабре 1989 г. А. Д. Сахарова не стало. В «Литературной газете» 20 декабря была опубликована статья Юрия Роста, посвященная памяти Андрея Дмитриевича. Ниже приводится фрагмент этой статьи, позволяющей понять, почему Сахаров смог стать человеком, которого слушает общество и которому оно доверяет: «Он был сослан в Горький

за правду, в которой спустя восемь лет правительство призналось публично. За то, что войну в Афганистане назвал преступной ошибкой. Он — единственный наш мирный житель, пострадавший в этой войне, ставший на защиту наших детей в военной форме, — был лишен всех наград, которые действительно заслужил.

Никто публично не принес ему извинений за семь лет ссылки, очевидно, полагая, что самый факт возвращения в Москву есть некая награда. С ним тихо вели переговоры относительно возвращения трех геройских звезд. Но он не согласился на этот вялый сговор. Верните награды всем, у кого вы их забрали незаконно. Верните публично.

Теперь уже поздно...

За неделю до смерти он позвонил мне в двенадцатом часу ночи и позвал к себе. Дома он был один. Дверь не заперта.

— Вы бы закрыли дверь на ключ, — посоветовал я.

— А зачем, ведь если позвонят, я все равно открою, — сказал Андрей Дмитриевич с обезоруживающей логикой».

А. И. Солженицына в 1974 г. клеймили как «литературного власовца» (см.: Яковлев Н. Н. Продавшийся // Литературная газета. 20.02.1974), а в 1989 г. вели вполне серьезную полемику по поводу его позиции, изложенной в книге «Архипелаг ГУЛАГ» («Правда», 18.12.1989 и 29.12.1989).

3.5. Способы управления общественными процессами: ситуации выбора

Признание значимости субъективного фактора в развитии трансформационных процессов обусловило еще один предмет общественного обсуждения — способы управления общественными процессами. Публикации 1989 г. дают представления о двух противоположных подходов к решению проблемы управления этими процессами (см., в частности: Сигнализация. По какому порядку тоскуют сторонники твердой руки // Известия. 12.08.1989; Нужна «железная рука»? // Литературная газета. 16.08.1989).

Обсуждался вопрос о процессе перехода от одного общественного устройства к другому, который неизбежно связан с изменениями в повседневной жизни людей. В одной из публикаций шла речь о следствиях внеэкономического принуждения к труду: «Внеэкономическое принуждение к труду — это не забор с колючей проволокой. Это 112 рублей в месяц, неусыпный догляд за работником, бессмысленные инструкции и наставления. Это ведомственное попрошайничество, рабская зависимость от министерства, безумная тяга к отчетности. Это равенство в нищете, завистливый взгляд в карман соседа, стремление растоптать, извести все, что лучше, чем у тебя. Это массовое, поточное воспитание люмпенов, способных халтурить, химичить, воровать, но не работать».

Одна точка зрения: надо заставить людей изменить свое поведение — «давить и давить» (по отношению к появившимся кооперативам), «сажать и сажать» (по отношению к инакомыслящим), «все поделить» (по отношению к благам бытия). Иной подход — надо изменить отношение к людям как субъектам деятельности, условия их жизни.

В другой публикации отмечалась сложность перехода к другому общественному устройству и рассматривалась возможность авторитарного режима. Но при этом говорилось о необходимости различия авторитарного и тоталитарного режимов: во втором случае исчезает грань между политической и неполитической сферами жизни, вся жизнедеятельность общества оказывается регламентированной, во всем требуется единогласие и единомыслие.

Новым явлениям можно считать возможность самого обсуждения характера сложившегося или проектируемого политического режима (демократический, авторитарный, тоталитарный).

Изменения в обществе обусловили необходимость общественного обсуждения проблемы ценностных ориентиров, определяющих личностные позиции людей. О предмете обсуждения дают представление

публикации в «Правде» (А. Логунов «Интеллигенция — понятие русское», 7.08.1989) и «Литературной газете» («Здравый смысл», 26.07.1989).

В этих материалах отмечается несколько тревожных явлений. Академии А. Логунов пишет: «Мне кажется, сейчас на первый план вышли представители технократического мышления. Независимо от образования мы воспитали целое поколение людей, для которых главное — план, вал, пятилетка. Они неспособны мыслить общечеловеческими категориями. ... Сегодня наше образование надо самым активным образом разворачивать к гуманистическим началам. Воспитывать в первую очередь граждан, патриотов страны, а уже потом специалистов».

Известный экономист Н. Шмелев, обсуждая с писателем Ю. Поляковым в статье «Здравый смысл» новые тенденции в развитии общества, обратил внимание на проблему отношений между людьми: «Мы сейчас пытаемся возродить нормальные человеческие отношения друг к другу, но я не знаю, сколько на это потребуется времени, настолько въелась в поколения неблагожелательность: “Кто виноват?” — “Сосед, ближний, ату его”; и вторая реакция: обязательная презумпция виновности, он — потенциальный враг...».

Нравственные проблемы и ранее поднимались в средствах массовой информации. *Новое явление*, которое нашло отражение в заметках А. Логунова и других авторов, заключается, пожалуй, в том, что характер повседневных межличностных отношений людей рассматривается как значимый показатель нравственного состояния общества.

3.6. Идеологические основы общества: в чем проблема?

Открытое обсуждение в средствах массовой информации оценок событий прошлого, существующего общественного строя, руководителей государства и неформальных лидеров общественного мнения, способов управления трансформационными процес-

сами, нравственных норм как ценностных ориентиров стало фактором осознания еще одной проблемной ситуации. Имеется в виду отношение к идеологическим основам общественного устройства.

Становился понятным неизбежный отказ от марксистско-ленинского учения как «единого верного». Возникал вопрос о возможности другой идеологической концепции, объясняющей реалии меняющегося мира и определяющей перспективы общественного развития. Но при этом подчеркивалось, что «ничего не стоила бы идеология, которую нужно навязывать людям только силой или угрозой применения силы (Медведев Рой. С точки зрения историка. // Правда. 29.12.89). Иными словами, признавалось существование ситуации выбора людьми своей личностной позиции, предполагающей решение проблем мировоззренческого и социально-политического самоопределения.

Существование указанной ситуации выбора нельзя оценивать как явление, относящееся к определенному состоянию общества, наблюдавшемуся в конце 80-х — начале 90-х гг. Это было состояние «растерянного общества», в котором исчезли привычные ценностные ориентиры. Но происходящие в стране перемены совпали с общими тенденциями мирового развития — переходом к информационному, постиндустриальному обществу, от «книжной» к «экранный» культуре, распространением институтов гражданского общества, характерными чертами которого являются плюрализм взглядов, многообразие конфессий и культур. В этих условиях *стремление к личностному самоопределению, не ограниченному идеологическими рамками, становится необратимым процессом.*

4. Результаты педагогического анализа

Что можно считать результатом педагогического анализа изменений в общественном дискурсе, которые наблюдались в 1989 г. на этапе перехода от советского к постсоветскому обществу? Имеются в виду выводы, значимые для понимания проблем управ-

ления процессами, происходящими в системе общего образования.

Первый вывод — перемены в обществе обусловили изменения в отношении к социальному заказу. В условиях советского общества социальный заказ системе образования практически определяла партия, а точнее — ее руководство. В концентрированном виде этот закон выражался в целях воспитания учащихся общеобразовательной школы. Указанные в нормативных документах цели четко определяли, какие убеждения должна воспитывать школа, на каких примерах, какие личностные качества учащихся надо формировать (прежде всего, любовь к Родине и коммунистической партии), а к каким явлениям надо воспитывать неприимность.

В условиях постсоветского общества изменилось представление о субъектах социального заказа и сложилось понимание его возможной противоречивости. Такая противоречивость социального заказа в настоящее время проявляется в противоположных тенденциях — в ориентации на повышение качества образования за счет возвращения к советскому опыту образования и в ориентации на развитие системы образования за счет ее модернизации.

Противоречивость в области воспитания учащихся общеобразовательной школы проявляется в одновременной ориентации на развитие самостоятельности учащихся, их способности принимать ответственные решения в ситуациях выбора и на усиление регламентации образовательного процесса, которая ведет к ограничению ситуаций выбора.

Социальный заказ перестает восприниматься как совокупность предписаний, обязательных для исполнения. Он начинает восприниматься как заданные условия образовательной деятельности, в рамках которых надо определить ценностные приоритеты школы.

Второй вывод касается роли школы в определении социального заказа системе образования. Как отмечалось выше, социальный

заказ может быть представлен в явном и неявном виде. Во втором случае его надо увидеть, уловить в проблематике общественного дискурса. Роль школы в определении социального заказа заключается в его интерпретации — в понимании сути социальных ожиданий и соотношении их с элементами образовательной системы. Иными словами, для школы важно определить, к чему относятся социальные ожидания: целям образования? Образовательным результатам? Образовательному процессу? Образовательным технологиям? Учебным пособиям? Внутреннему устройству школы? Сети образовательных учреждений? и т. д.

Все ожидания важны, но основными все же являются те, которые относятся к целям и результатам образования. Другие элементы образовательной системы значимы в той мере, в какой они влияют на функции школы, цели и результаты образования, роль системы образования в развитии общества.

К числу результатов образования относится личностное самоопределение учащихся. Этот результат имеет место, независимо от поставленных педагогических целей, может соответствовать или не соответствовать данным целям.

Значимость самоопределения личности сомнений не вызывает. К. Маркс однажды заметил, что люди являются не только участниками, но и авторами своей собственной драмы. Роль субъективного фактора в развитии общества возрастает. Существенную роль в этом процессе играет образование, которое приобрело всеобщий и непрерывный характер.

Определение роли школы в самоопределении ее учащихся и выпускников связано с пониманием социальных ожиданий, которые могут относиться к содержанию ценностных ориентиров учащихся и к способам определения этих ориентиров. Другими словами: школа рассматривает как приоритетную задачу формирование у учащихся «правильных взглядов» или развитие у них способности к самостоятельному определению своих ценностных ориентиров? Решение

этой задачи связано с пониманием того, какие изменения в общественном дискурсе носят необратимый характер и неизбежно должны учитываться при определении целей воспитания учащихся общеобразовательной школы.

Третий вывод относится к указанным выше изменениям в общественном дискурсе. Проведенный анализ позволил выявить ряд существенных изменений, обуславливающих необходимость самоопределения и учащихся, и учителей. Отказ от «закрытых» тем может чередоваться с появлением новых запретов на обсуждение и оценку каких-то социальных явлений и событий. Но в условиях информационного общества никакие запреты на публичное обсуждение не могут блокировать процесс самоопределения — формирование собственного отношения к этим явлениям и событиям.

Переоценка сущности и значимости событий прошлого стала фактором, влияющим на осознание ситуативного характера такой переоценки. Объектом возможной собственной оценки стали не только события прошлого, но и само состояние общества, его устройство, позиции руководителей государства.

Предметом общественного дискурса становятся новые явления и процессы, происходящие в обществе, «правильную оценку» которых в условиях школы заранее невозможно сформировать. Многопартийность политической системы, предполагающая возможность разного понимания актуальных проблем общественного развития и/или способов их решения, обуславливает необходимость определения гражданами собственных взглядов на эти проблемы.

В этих условиях смыслом школьного образования становится не формирование «единственно правильных» взглядов, а развитие у учащихся способности ориентироваться в общественном дискурсе, существующих взглядах на прошлое, настоящее и будущее, а также определять собственные взгляды и степень собственной ответственности и за личное будущее, и за будущее

своей страны. В связи с этим педагогической целью становится осознание учащимися критериев оценки сложных явлений социальной действительности, событий и явлений прошлого.

Четвертый вывод касается критериев оценки уровня образованности выпускников общеобразовательной школы. Результатом обучения в школе является достижение учащимися определенного уровня образованности, который в той или иной мере может соответствовать социальному заказу.

Изменения в социальном заказе находят отражение в критериях оценки достигнутых учащимися образовательных результатов. Субъектами оценки выступают все группы социальных заказчиков (государство, родители учащихся, сами выпускники школы, различные социальные институты), а также сама школа. Самооценка образовательных достижений учащихся является основой для определения программы развития школы, корректировки ее стратегии.

Критерии оценки, которые используются в практике работы школы, дают представление о том, как школа понимает социальный заказ система образования. В сложившейся практике на первое место среди критериев самооценки выходит достаточность достигнутого уровня образованности для реализации выпускниками школы своих послешкольных образовательных планов. При использовании данного критерия возможно использовать количественные показатели.

Сложнее обстоит дело с оценкой достаточности достигнутого уровня образованности для формирования гражданской позиции выпускников школы, их социокультурной самоидентификации — их готовности к личностному самоопределению в ситуациях выбора, возникающих в различных сферах взрослой жизни (трудовой, общественно-политической, культурно-досуговой, семейно-бытовой, образовательной). О такой готовности можно судить, исходя из опыта самостоятельных решений, приобретенного за годы обучения в школе. Формирование этого опыта соответствовало бы тем изме-

нениям, которые происходят в социальном заказе системе образования.

Ориентация на формирование у учащихся способности к личностному самоопределению соответствует новым тенденциям в развитии системы общего образования в постсоветский период.

Пятый вывод заключается в том, что необходимым условием развития у учащихся способности к личностному самоопределению является включенность педагогов в анализ социальных ожиданий в сфере общего образования. Результаты такого анализа могут иметь существенное значение для самооценки ценностных и целевых ориентиров школы. Можно сказать, что социальным заказом школе являются те социальные ожидания, которые сама школа считает заказом.

При таком анализе стоит учитывать многообразие, возможную противоречивость социальных ожиданий и то обстоятельство, что социальные запросы могут лишь частично востребовать потенциал школы.

Одним из способов включения педагогов в анализ социальных ожиданий является обсуждение проблематики общественного дискурса. Объектом анализа по-прежнему могут быть средства массовой информации, состав которых, однако, изменился. Газетные публикации утратили прежнюю значимость, хотя они дают определенное представление об изменениях в общественном дискурсе. Вызывают интерес некоторые кинофильмы (например, Звягинцева, Сокурова, да и других режиссеров), отдельные театральные спектакли, но основным публичным пространством стали социальные сети.

Организационные формы педагогического анализа социального заказа могут быть выявлены в формирующейся системе непрерывного профессионального развития педагогических кадров, которая не может сводиться исключительно к программам дополнительного профессионального образования и курсам повышения квалификации. Такая система предполагает и «круглые столы», встречи со специалистами в области общественных наук, неформальное общение в клубном формате.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Асмолов, А. Г. (2012) *Оптика просвещения: социокультурные перспективы*. М.: Просвещение, 447 с.
- Берхин, И. Б., Беленький, М. И., Ким, М. П. (1970) *История СССР: Эпоха социализма*. 7-е изд. М.: Просвещение, 230 с.
- Днепров, Э. Д. (2011) *Новейшая политическая история российского образования: опыт и уроки*. 2-е изд. М.: Мариос, 471 с.
- Лебедев, О. Е. (2022) *Воспитание в школе: диалектика прошлого и будущего: к 90-летию со дня рождения О. Е. Лебедева*. СПб.: Изд-во СПбГУП, 348 с.
- Новиков, А. М. (2000) *Российское образование в новой эпохе. Парадоксы наследия. Векторы развития*. М.: Эгвес, 268 с.
- Моисеев, А. М., Хван, А. А. (ред.). (2002) *Управление школой: ключевые слова: Словарь-справочник руководителя школы*. М.; Кемерово: Изд-во КРИПКиПРО, 218 с.
- Тубельский, А. Н. (ред.). (1996) *Учитель, который работает не так: (Опыт развития индивидуальности учеников и учителей)*. М.: Парсифаль, 335 с.
- Ямбург, Е. А. (2019) *Беспопечный учитель: педагогика non-fiction*. М.: Бослен, 464 с.

REFERENCES

- Asmolov, A. G. (2012) *Optika prosveshcheniya: sotsiokul'turnye perspektivy*. M.: Prosveshchenie, 447 s.
- Berkhin, I. B., Belen'kij, M. I., Kim, M. P. (1970) *Istoriya SSSR: Epokha sotsializma*. 7-e izd. M.: Prosveshchenie, 230 s.
- Dneprov, E. D. (2011) *Novejshaya politicheskaya istoriya rossijskogo obrazovaniya: opyt i uroki*. 2-e izd. M.: Marios, 471 s.
- Lebedev, O. E. (2022) *Vospitanie v shkole: dialektika proshlogo i budushchego: k 90-letiyu so dnya rozhdeniya O. E. Lebedeva*. SPb.: Izd-vo SPbGUP, 348 s.
- Novikov, A. M. (2000) *Rossijskoe obrazovanie v novoj epokhe. Paradoksy naslediya. Vektory razvitiya*. M.: Egves, 268 s.
- Moiseev, A. M., Khvan, A. A. (red.). (2002) *Upravlenie shkoloy: klyuchevye slova: Slovar'-spravochnik rukovoditelya shkoły*. M.; Kemerovo: Izd-vo KRIPKiPRO, 218 s.
- Tubel'skij, A. N. (red.). (1996) *Uchitel', kotoryj rabotaet ne tak: (Opyt razvitiya individual'nosti uchenikov i uchitelej)*. M.: Parsifal', 335 s.
- Yamburg, E. A. (2019) *Besposhchadnyj uchitel': pedagogika non-fiction*. M.: Boslen, 464 s.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ЛЕБЕДЕВ Олег Ермолаевич — *Oleg E. Lebedev*

Санкт-Петербургский филиал Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» Санкт-Петербургская школа социальных и гуманитарных наук, Санкт-Петербург, Россия.

Saint Petersburg branch of the National Research University HSE University Saint Petersburg School of Social Sciences and Humanities, Saint Petersburg, Russia.

SPIN-код: [5787-0828](#), e-mail: o_lebed@mail.ru

Член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, профессор, профессор Санкт-Петербургской школы социальных и гуманитарных наук.

Поступила в редакцию: 4 декабря 2023.

Прошла рецензирование: 15 февраля 2024.

Принята к печати: 4 марта 2024.